

ЖИЗНЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

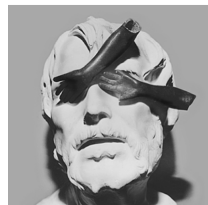
(Из лекции “Человеческая сила и цикл поколений”)

Эрик Эриксон

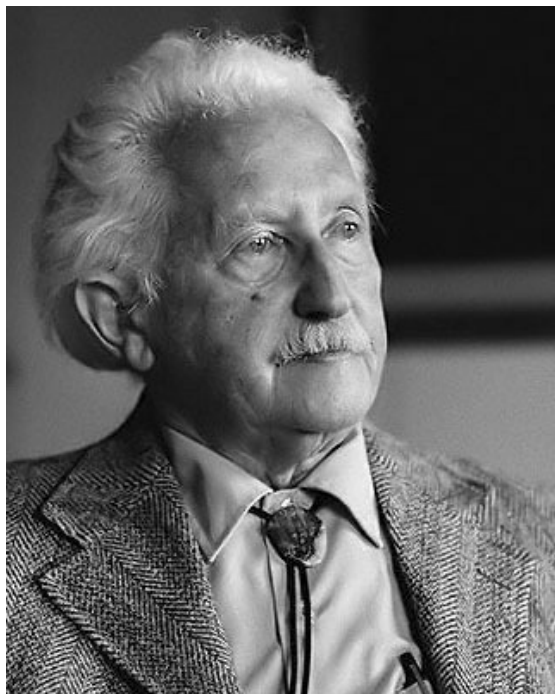
У психоаналитика есть все основания проявлять сдержанность в разговоре о человеческой добродетели, ибо, если он будет говорить об этом легкомысленно, могут возникнуть подозрения в пренебрежении очевидной обязанностью ежедневных наблюдений, знакомящих его с “возделанной почвой, из которой гордо произрастают наши добродетели”. Его можно упрекнуть в пренебрежении указанием Фрейда, согласно которому ценности сознания могут получить надежную переоценку только в том случае, если твердо признана ценность бессознательных и иррациональных сил.

И все же само развитие психоаналитической мысли, ее сегодняшняя озабоченность “силой эго” предполагают пересмотр человеческой силы не в смысле благородства и честности, как это культивируется этикой, но в смысле “врожденной силы”. Я уверен, что у психоаналитиков, выслушивающих жизнеописания в течение более полувека, сложился “неофициальный” образ сил, присущих индивидуальному жизненному циклу и последовательности поколений. Я подразумеваю при этом те приятные случаи, когда мы можем согласиться, что пациенту действительно стало лучше — не так, как предлагается в анкетах “заметно лучше” или “несколько лучше”, а естественным образом.

Исчезновение симптомов упоминается здесь лишь мимоходом, а решающим критерием является увеличение силы и продолжительности концентрации пациента на делах, любовь ли это, работа, быт, дружба или общественная деятельность. И в самом деле, мы уходим от систематического рассмотрения человеческой силы. Например, мы признаем внутреннюю связь между самыми ранними и глубокими умственными расстройствами и полной потерей основного вида надежды или между отношением импульсивных и компульсивных, принудительных симптомов и основным слабованием. И все же мы не задаемся вопросом о том, каковы же генетические и динамиче-

**ФИЛОСОФСКОЕ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

Эрик Эриксон

ские детерминанты состояния надежды или состояния контролируемой силы воли.

По существу, мы вымученно пытаемся выразить то, что ценим, используя двойное отрицание: человек, о котором мы бы сказали, что он здоров, относительно устойчив к регрессии, или несколько более свободен от регрессии, или менее подвержен противоречиям, чем можно ожидать. И все же мы знаем, что в здоровом состоянии или состоянии умственной и эмоциональной ясности вступает в действие процесс упорядочивания, который не укладывается в самый полный список отрицаний. Часть этого процесса мы называем “синтезом эго” и под этим обозначением постепенно накапливаем новые наблюдения.

Но мы знаем также, что иногда у некоторых людей он наделен

в полной мере качеством, которое могли бы назвать как “оживленное” или “одухотворенное”. Конечно, я не буду пытаться это классифицировать. Но я утверждаю, что, не признав его существования, мы не сможем сделать правильного описания ни наилучших моментов душевного равновесия человека, ни его глубочайшей трагедии.

В последующем я собираюсь исследовать источники, а затем эволюционные причины основных человеческих качеств, которые назову добродетелями. Выбор такого названия объясняется отчасти тем, что форма множественного числа “strengths” (силы) кажется мне некрасивой, но в основном из-за того, что слово “добродетель” (virtue) подходит лучше всего. В латинском языке добродетель означала мужественность, это предполагает сочетание по меньшей мере силы, сдержанности и храбрости, хотя мы, конечно, сомневаемся, следует ли относить мужественность к безусловным добродетелям мира, прежде всего потому, что на женственность может быть возложена большая доля в спасении гуманности от “climactis” (критический период) и разрушительных стремлений мужчины.

Но в древнеанглийском языке слово “virtue” было наделено особым значением, которое здесь как раз уместно. Оно означало неотъемлемую силу или действенность и использовалось, например, для указания на не уменьшившуюся крепость хорошо сохранившихся лекарств и вин. Сила и дух значили спиртным одно и то же, и не только в смысле силы, присущей спиртным напиткам (англ. spirit “дух” и spiritus “алкоголь”. — Прим.

пер.). Тогда вопрос можно сформулировать так: «Какая добродетель “выходит” из человека, когда он теряет силу, которая у него в сознании, и благодаря какой силе человек приобретает одушевленность и одухотворенность, без которых его основы морали становятся просто морализаторством, а этика теряет свои качества?»

Добродетелью я буду называть определенные человеческие качества силы, и я буду соотносить их с тем процессом, в котором может поэтапно развиваться сила эго и передаваться от поколения к поколению.

Кажущимся парадоксом человеческой жизни является коллективная способность человека создавать свою собственную среду, хотя каждый индивид рождается в обнаженной уязвимости, которая переходит в длительный период инфантильной зависимости. Однако слабость новорожденного относительна. Пока новорожденный еще не достиг какой-либо степени овладения физическим миром, он наделен наружностью и реакциями, требующими заботливой нежности взрослых, заставляющими их внимательно относиться к его потребностям, вызывающим участие у тех, с кем связано его благополучие, и способствующими активной заботе взрослых. Я повторяю слова “заботливый”, “участие”, “забота” не с целью создания поэтического эффекта, но для того чтобы подчеркнуть тот основополагающий факт, что в жизни вообще и в человеческой жизни, в частности, уязвимость новорожденного и мягкость невинной потребности в заботе сами по себе обладают силой. Как бы ни были беззащитны младенцы, в их распоряжении есть матери, для защиты матерей существуют семьи, общества поддерживают институт семьи, а традиции обеспечивают культурную преемственность системам ухода и воспитания. И все это необходимо ребенку для человеческого развития, так как его окружение должно обеспечить ту внешнюю целостность и преемственность, которые, подобно второй утробе, позволяют ребенку поэтапно развить свои отдельные способности и объединить их в серии психосоциальных кризисов.

В последние годы предметом внимания психиатрии стало взаимоотношение мать — ребенок, и на него возлагалось все бремя ответственности за умственное здоровье и развитие человека. Такое сосредоточение на самых ранних стадиях развития, похоже, нашло поддержку в молодой науке этологии, анализирующей врожденный механизм, при помощи которого у животных мать и детеныш вырабатывают друг у друга поведение, необходимое для выживания детеныша и, таким образом, вида. Однако настоящее этологическое сравнение должно сопоставлять первый период жизни животного (например, период развития в гнезде у некоторых птиц) со всем периодом развития человека, включая юность. Дело в том, что психосоциальное выживание человека гарантируется только жизненными

добродетелями, развивающимися во взаимодействии последовательных и совпадающих во времени поколений, живущих вместе в организованных сообществах.

Жизнь вместе значит здесь больше, чем случайная близость. Она означает “взаимное проникновение” этапов жизни отдельных людей, взаимодействие с этапами жизни других, которые двигают его по мере того, как он двигает их. Поэтому в последние годы я пытался описать весь жизненный цикл как интегрированный психосоциальный феномен, вместо того чтобы использовать подход, который (по аналогии с телеологией) можно было бы назвать попыткой выводить значение развития прежде всего из реконструкции ребенка.

* * *

Когда дело доходит до перечисления основных добродетелей, с которыми люди идут и ведут по жизни других, сначала возникает соблазн образовать новые слова от латинских корней. Латынь всегда предполагает знание и ясность, тогда как у повседневных слов есть бесчисленное множество смысловых оттенков. Описанные ими добродетели для оптимистов звучат как радостные и легкие достоинства, а для пессимистов как идеалистические претензии. И все же, когда мы подходим к явлениям, более близким к эго, повседневные слова живого языка, отшлифованные от употребления многими поколениями, более пригодны в качестве основы для рассуждений.

Поэтому я буду говорить здесь о Надежде, Воле, Целеустремленности и Умении как о рудиментах добродетели, развившейся в детстве; о Верности как о юношеской добродетели и о Любви, Заботе и Мудрости как центральных добродетелях зрелого возраста.

При всей их кажущейся бессвязности эти качества зависят друг от друга. Воля не может выработаться, пока не обеспечена надежда, и любовь не может стать взаимной, пока не получит своего подтверждения верность. Кроме того, каждая добродетель и ее место в перечне добродетелей тесно взаимосвязаны с другими областями развития человека, такими, как фазы психосексуального развития, которые так глубоко исследуются в психоаналитической литературе, и психосоциальные кризисы и фазы познавательного развития. Эти перечни я должен принять без доказательств, так как я ограничиваюсь параллельным графиком развивающихся добродетелей.

Если мы припишем здоровому ребенку зачатки Надежды, то, конечно, будет трудно указать критерии для этого состояния и еще труднее измерить его. И все же тот, кто видел не надеющегося ребенка, видел то, чего на самом деле нет. Надежда — это и самая ранняя и самая необходимая добродетель, не отделяемая от состояния жизни. Некоторые называют это глубочайшее свойство доверием, и я считаю веру самым поло-

жительным психосоциальным отношением, но для поддержания жизни должна оставаться надежда, даже когда иссякает верие, угасает вера. Клиницистам известно, что взрослый человек, потерявший всякую надежду, регрессирует до такого безжизненного состояния, которое еще может выдержать организм. Но в сущности даже у развитой надежды есть что-то такое, что делает ее самым детским из всех качеств эго, а ее подтверждение в наибольшей мере зависит от милости судьбы, поэтому религиозное чувство побуждает взрослых к восстановлению надежды в периодической просительной и, в известной мере, ребяческой молитве, обращенной к невидимым всемогущим силам.

Ничто в человеческой жизни, однако, не гарантируется изначально, если это не проходит проверку при встрече товарищей в благоприятном социальном окружении. Улыбка ребенка вызывает надежду у взрослого и, вызвав у него улыбку, заставляет его передать надежду, но это, конечно, лишь физиогномическая деталь, указывающая на то, что ребенок своим доверчивым поиском опыта и уверенности пробуждает в дающем силу, которую он, в свою очередь, готов и испытывает потребность пробудить и укрепить опытом взаимности.

Надежда изначально основывается на первых встречах новорожденного с заслуживающими доверия материнскими лицами, которые реагируют на его потребность в поглощении и контакте с теплыми и успокаивающими пеленками и дают пищу, которую приятно принимать и легко усваивать, и которые не дают ему испытывать чувства неудовлетворенности из-за получения слишком мало и слишком поздно. Это далеко не просто инстинктивное или инстинктуальное дело. Биологическому материнству требуется, по меньшей мере, три связующих звена с социальным опытом: прошлый опыт матери, когда за ней самой ухаживала ее мать, понятие материнства, которое разделяется с заслуживающими доверия окружающими людьми, и всеохватывающий образ мира, связующий прошлое, настоящее и будущее в убедительную систему провидения. Только тогда мать может что-то дать ребенку.

Надежда проверяется комбинацией опытов в “доисторической” эпохе индивида, времени до освоения речи и вербальной памяти. И психоанализ, и генетическая психология считают центральной в этот период роста безопасную “апперцепцию объекта”. Психологи подразумевают под этим способность воспринимать постоянное качество мира вещей, тогда как психоаналитики свободно говорят о первом объекте любви, то есть об опыте заботящегося человека, как связного существа, отвечающего на физические и эмоциональные потребности ожидаемым образом, и поэтому заслуживает доверия и лицо, которое узнают в ответ на узнавание. Эти два вида объекта являются первым знанием, первой проверкой и, таким образом, основой надежды.

Надежда, установленная когда-то как основное качество опыта, остается независимой от подтверждаемости “надежд”, потому что в природе развития человека заложено то, что конкретные надежды, когда ожидаемое событие будет проходить, будут заменяться рядом более отдаленных надежд. Постепенное расширение кругозора активного опыта ребенка обеспечивает на каждом этапе такие стоящие подтверждения, что они инспирируют новые надежды. В то же время ребенок развивает большую способность к самоотречению одновременно со способностью переносить несбывшиеся надежды на лучшие виды на будущее, он учится мечтать о воображимом и ожидать того, что обещает оказаться возможным. Таким образом, развивающаяся надежда не только сохраняется перед лицом изменившихся фактов, она, оказывается, способна изменять факты, как говорят о вере, что она может двигать горы.

С эволюционной точки зрения представляется, что надежда должна помогать человеку приблизиться к той степени укорененности, которой обладает животный мир, когда набор инстинктов и окружающая среда, начиная с материнской реакции, подтверждают друг друга, если только индивида или вид не постигает катастрофа. Для человеческого дитя его мать является природой. Она должна быть тем исходным подтверждением, которое позже будет приходить от других и более широких фрагментов действительности. Все самоподтверждения поэтому начинаются в том внутреннем свете мира матери и ребенка, который в образе Мадонны передан таким необыкновенным и спокойным, и, конечно, такой свет должен сиять сквозь хаос многих кризисов, кризисов развития и случайных кризисов.

* * *

Во изменение некоторых первых формулировок. Надежда — это постоянная вера в достижимость пламенных желаний, несмотря на темные побуждения и страсти, отмечающие начало существования. Надежда — это онтогенетическая основа веры, и она питается верой взрослых, которая охватывает различные виды заботы.

Исключительное состояние надежды, переведенное в различные воображаемые миры, было бы раем в природе, утопией в общественной действительности и небом в загробной жизни. У индивида, здесь и сейчас, это означало бы адаптивный оптимум, ибо истинная надежда неумолимо ведет к конфликтам между быстроразвивающейся собственной волей и волей других, из которых должны возникнуть зачатки воли. По мере того как ощущения и мышцы ребенка ухватываются за возможность более активного опыта, перед ним встает двойная потребность в самоконтроле и приеме контроля от других. Проявлять волю означает не быть своевольным, а постепенно

приобретать все возрастающую силу рассудка и принятия решений в применении побуждений. Человек должен научиться желать того, что может быть, отвергать как не заслуживающее желанья то, чего быть не может, и верить, что то, чего он пожелал, — неизбежно.

В этом, вне всякого сомнения, источник происхождения трудного вопроса о свободной воле, который человек как всегда пытается решать логически и теологически. Фактом является то, что ни один человек не может жить, эго оставаться целым без надежды и воли. Даже человек философского склада, чувствующий потребность пересмотреть основы, на которых он стоит, и подвергающий сомнению и надежду, и волю как нечто иллюзорное, ощущает несколько более реальным акт волеизъявления при самой постановке вопроса, а когда человек предпочитает уступать свое чувство желанья неизбежному богам и вождям, он пылко наделяет их тем, в чем отказывает себе.

Рудименты воли требуются по аналогии со всеми основными качествами, когда эго объединяет опыт из областей, как будто бы удаленных друг от друга: осознание и внимание, манипуляция, вербализация и передвижение. Тренировка взаимомисключающих сфинктеров (кольцевидных мышц) может стать центром борьбы за внутренний и внешний контроль, которая идет во всей мышечной системе, в его двойном исполнении: индивидуальной координации и общественном руководстве. Чувство поражения (из-за недостаточной или избыточной тренировки) может привести к глубокому стыду и навязчивому сомнению: действительно ли желалось то, что сделано, или сделано то, что желалось.

Однако если воля надежно встроена в раннее развитие эго, она сохраняет признаки ограниченной возможности, так как взрослеющий индивид постепенно приобретает знание того, чего можно ожидать ему и что могут ожидать от него. Часто терпящий поражение, он, тем не менее, учится принимать экзистенциальный парадокс принятия решений, которые, как ему известно, “где-то в глубине” будут предопределяться событиями, поскольку принятие решений — это часть определяющего качества, неотделимого от жизни. Сила эго зависит, кроме всего прочего, от чувства принятого деятельного участия в цепи неизбежных событий.

С маленькими желаньями (если можно так выразиться) дело обстоит так же, как с меньшими надеждами. Они и в самом деле не кажутся заслуживающими сокрушения, когда наступит момент проверки, если только есть достаточно времени для роста и развития нового и если ожидаемая реальность оказывается лучше и интереснее фантазии.

Поэтому Воля — это нерушимая решимость осуществить свободный выбор, а также самоотречение, несмотря на неизбежный опыт стыда и сомнения в детстве. Воля — это основа

для восприятия закона и необходимости, корни ее лежат в рассудительности родителей, направляемых духом закона.

Социальная проблема воли заключена в словах “добрая воля”. Добрая воля других зависит, очевидно, от взаимного ограничения желаний. Именно на втором-третьем году ребенок должен уступать новичкам. Задача рассудительных родителей теперь, уважая привилегии сильных, защищать права слабых. Они постепенно прививают меру самоконтроля ребенку, который учится управлять своеволием, проявляет необходимую готовность и обменивается доброй волей. Но, в конце концов, представление ребенка о самом себе окажется расколотым подобно тому, как остается оно расколотым у человека на всю оставшуюся жизнь.

Так же, как идеальный (мы бы сказали, “предпротиворечивый”), образ любящей матери принес представление ребенка о самом себе как отражение признания ребенка своим и хорошим, противоречиво любимый образ контролирующего родителя соответствует противоречиво любимому “я” или, скорее, “множеству я”. Отныне способные и бессильные, любящие и сердящиеся, цельные и противоречащие себе “я” будут частью оснащения человека: поистине психическое впадение в немилость. По причине этого внутреннего раскола только рассудительные родители, ощущающие себя частью вполне справедливого общественного и мирового порядка, могут передать целительное чувство справедливости.

* * *

Третья жизненная добродетель — Целеустремленность. Принимая само собой разумеющимися правила представления, мы теперь можем быть более краткими: целеустремленность — это смелость преследовать значимые цели.

При затянувшейся незрелости инфантильного человека ему свойственно развивать рудименты воли в ситуациях, в которых он не вполне знает, что ему нужно и почему, что делает его своеволие временами почти отчаянным. К тому же он должен развить в “простой” фантазии и проявить рудименты целеустремленности: временную перспективу, дающую направление и концентрацию согласованному стремлению.

То, что человек начинал как играющий ребенок, оставляет, однако, отпечаток актерской и ролевой игры даже в том, что он считает высшими ценностями. Он, будучи взрослым, видит их происходящими в картинах его прошлого, их он проецирует на большее и более совершенное будущее, их он разыгрывает в обрядовом настоящем с одетыми в форму актерами в ритуальных ситуациях...

Как нам назвать следующую добродетель? К тому, что я имею в виду, ближе всего подходит Умение. И все же нетрудно согласиться, что качество, которым наделено все живое,

все-таки должно иметь вторичный кризис на одном из этапов жизненного цикла. Чувство умения, во всяком случае, характеризует то, что в конце концов становится мастерством. Конечно, со времени его “изгнания из рая” человек всегда был склонен отвергать труд, считая его нудным и рабским, и признавать самыми счастливыми тех, кто может выбирать: работать или не работать. Фактом, однако, является то, что человек должен учиться работать, как только его ум и способности готовы, чтобы их “пустить в дело” с тем, чтобы сила эго не атрофировалась.

В процессе эволюции сложилось так, что человек, когда он достигает возраста обучения основным элементам технологии культуры, является самым неприспособленным из животных. Рудименты надежды, воли и целеустремленности рисуют будущее лишь со смутно представляемым кругом задач. Теперь ребенку необходимо показать основные способы, ведущие к ответственности техническому образу жизни, ибо (вопреки современным апостолам инфантильного Эроса) в инфантильной сексуальности нет и следа умения... В детстве мимолетное приложение инстинктуальной энергии в эротических возможностях велико и часто существенно, но ее выход в удовлетворение и завершенность крайне ограничен. В таком случае понятен смысл того, что период психосексуальной латентности позволяет человеку развить инструментальные возможности тела, сознания и мира вещей и отложить дальнейшее развитие по сексуальной и сенсуальной осям до тех пор, пока они не станут частью большей области социальной ответственности.

В школе может оказаться так: то, что “работает” в формировании мысли и неиспользовании физической координации, “работает” и в случаях сотрудничества. Все культуры поэтому встречают эту стадию предложением обучения поддающимся совершенствованию умениям, ведущим к практической пользе и прочным достижениям. Все культуры также обладают своей логикой и своими “истинами”, которым можно научиться путем упражнения, практики и ритуала. Там, где грамотность — это общая основа для будущей специализации, правила грамматики и алгебры, конечно, образуют более абстрактную демонстрацию творений реальности. Поэтому рудименты умения и рассудительности готовят ребенка к будущему ошущению мастерства, без которого не может быть “сильного эго”. Без него человек чувствует себя уступающим в оснащении и способности соответствовать своим возможностям, все увеличивающемуся радиусу подвластной реальности.

Ребенок на этом этапе готов к разным специализациям и с большой охотой будет учиться тому характеру производства, который уже вошел в его ожидания на уровне идеальных примеров, реальных или мифических, и который теперь предстает перед ним в лице учителей-взрослых или сотрудничающих сверстников.

Именно так индивид развивает на каждом этапе значительное продвижение в эволюции человека путем присоединения большей части его культуры. В этом случае его развивающиеся способности позволяют ему понять основные данные технологии и элементы объяснения, которые дают возможность обучить методам.

Следовательно, умение — это свободное упражнение в ловкости и уме при выполнении заданий, не тронутое инфантильной неполноценностью. Это основа сотрудничества в технологиях, и в свою очередь, она основывается на логике инструментов и приемов.

* * *

Следующая добродетель — Верность. Когда в период полового развития человека созревает его сексуальность, он еще не готов быть супругом или родителем. В самом деле, это серьезный вопрос: делает ли человека ранняя свобода в прямом использовании его сексуальности более свободным как личность в качестве гаранта свободы других? Во всяком случае, равновесию этого молодого человека решительно угрожает двойная неуверенность в недавно созревшем сексуальном механизме, который нужно держать в состоянии ожидания во всех или некоторых из его функций, пока он готовится занять свое место в мире взрослых. Его вытекающая отсюда импульсивность, перемежающаяся с принудительным ограничением, хорошо известна и подробно описана. Во всем этом, однако, за внутренней согласованностью и прочным набором ценностей можно распознать “идеологические” искания, и я бы назвал данное качество это, которое появляется начиная с юности, Верностью.

Верность — это способность сохранять преданность, которая свободно избирается, несмотря на неизбежные противоречия системы ценностей.

Это краеугольный камень личности, и она получает вдохновение от подтверждающих идеологий и товарищей.

В юности такая истина проверяет себя несколькими способами: высокое чувство долга, точности и правдивости в пределах реальности: чувство правдивости как в искренности, так и в убеждении, качество подлинности, как в достоверности, свойство преданности, “приверженности”, честность по отношению к правилам игры, и, наконец, все, что имеется в виду под привязанностью, — свободно даваемая, но обязывающая клятва, роковым образом предусматривающая проклятие, которое постигает отступников.

Когда Гамлет, эмоциональная жертва вероломства своих королевских родителей, ставит вопрос: “Быть или не быть?”, — он демонстрирует на словах и на деле, что для него “быть” возможно лишь при условии сохранения верности (себе, любви, короне), а остальное — это смерть. Культуры, общества и рели-

гии предлагают юноше в виде духовной пищи некоторую истину в обрядах, в ритуалах подтверждения в качестве члена тотема, клана или веры, нации или класса, которые отныне должны быть его сверхсемьей. В настоящее время мы также обнаруживаем могущественные идеологии, которые требуют и получают верность (и, если требуется, раннюю смерть) от молодых.

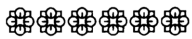
Кроме всего прочего, юноше необходимо подтверждение со стороны взрослых и сверстников. Личность обязана своей эволюционной и исторической значимостью тому факту, что социальным группам людей, не составляющим уже вид в природе, но не представляющим еще человечества в истории, потребовалось почувствовать с тщеславием или уверенностью, что они какого-то особого вида, который обещает каждому индивидууму участие в группе избранных.

Племенная, национальная или классовая группа требует, однако, чтобы человек считал все иное враждебным, и по крайней мере некоторые люди стали считать других врагами, относясь к ним с немотивированной жестокостью, которая отсутствует в животном мире. Во всяком случае, потребность в принадлежности к группе более высокого статуса вкупе с гордостью технологией заставили человека эксплуатировать и уничтожать себе подобных с абсолютным спокойствием. Какого бы уровня технологии ни достиг человек, он может скатиться до архаической погони с отмщением: он может охотиться на людей другой расы, нации или класса, он может поработать их в массовом порядке, торговать ими, лишая имущества и свободы, убивать их в “мясорубках” или хладнокровно планировать их массовое уничтожение.

Пожалуй, еще более удивительно, что он может относиться к своим собственным детям как к “чужим”, как к “почве”, которую нужно засадить своими ценностями, как к животным, которых нужно выдрессировать, держа в руке кнут, как к собственности, которой можно распоряжаться, как к дешевой рабочей силе, которую можно эксплуатировать.

Все это в разное время соответствовало характеру технологии настолько самодовольной, что даже благородные люди не могли позволить себе поступить иначе без того, чтобы их сочли предателями некоего превосходства или нарушителями солидарности. В нашу эпоху безграничной технологической экспансии поэтому вопрос будет в том, что человек может позволить себе и решить не использовать, не изобретать и не эксплуатировать — и все же сохранить свою личность.

В наше время идеологии берут верх там, где отступает религия, представляя себя (кроме других, более практических притязаний) в качестве исторических перспектив, к которым следует обращать индивидуальную веру и коллективное доверие. Как и религии, они противопоставляют угрожающему чувству отчуждения положительный ритуал и утвердительную догму и суровый и жестокий запрет на отчужденность в своих собст-

венных порядках или в стане врагов. Они, не колеблясь, сочетают магию с техникой, усиливая звучание Одного Голоса, вещающего из ночи, и увеличивая и тиражируя Одно Лицо в центре внимания массовых сборищ.

Однако наиболее уместен в данной связи способ, которым идеологии увязывают догмы с новыми научно-техническими разработками. Должно быть очевидно, что наука и техника в наше время обеспечивают самую непосредственную форму проверки тем, кто хочет и способен работать и, кроме всего прочего, налаживать работу.

* * *

То, что Любовь — это величайшая из человеческих добродетелей и фактически главная добродетель вселенной, факт настолько общепризнанный, что имеет смысл еще раз рассмотреть ее эволюционную первопричину и определить, почему любовь здесь приписывается определенному этапу и определенному кризису в разворачивающемся цикле человеческой жизни. Разве любовь не связывает вместе каждый этап? Существует, разумеется, много форм любви, от удобной и озабоченной привязанности младенца к его матери до страстной и отчаянной влюбленности юноши, но любовь в эволюционном и обобщающем смысле — это, я уверен, преобразование любви, полученной на предъюношеском этапе жизни, в заботу, отдаваемую другим в зрелом возрасте.

Важным должен быть тот эволюционный факт, что человек сверх и выше сексуальности вырабатывает избирательность любви. Думаю, это проявляется во взаимности супругов и партнеров, в их общей идентичности ради взаимной верификации через опыт обретения себя в другом при потере себя.

Позвольте мне здесь специально подчеркнуть, что идентичность укрепляется, когда может реализовать все предоставляемые для этого шансы. По этой причине любовь, в своем истинном смысле, предполагает как идентичность, так и верность. Хотя можно показать, что многие формы любви действуют в образовании различных добродетелей, важно осознать, что только окончание периода юности дает возможность развития этой близости, самоотверженности взаимной привязанности, которая закрепляет любовь во взаимном обязательстве. Таким образом, интимная любовь — это страж неуловимой и все же всепроникающей силы в психосоциальной эволюции: силы культурного и личного стиля, который дает и требует признания в общих видах деятельности, гарантирует индивидуальную идентичность во взаимной близости и объединяет в “образ жизни” отношения воспроизводства и деторождения.

Любовь недавно ставшего взрослым человека, кроме всего прочего, — это активная избирательная любовь, независимо от методов матримониального отбора, независимо от того, явля-

ется ли этот отбор предварительным условием для близких отношений или выбор совершается в процессе постепенного развития близких отношений. В любом случае, проблема состоит в переходе от опыта получения заботы в окружении родителей, в котором ребенок вырос, к новому, взрослому виду привязанности, который активно избирается и культивируется как обоюдное участие.

Слово “a liation” (привязанность. — *Прим. пер.*) буквально означает “усыновление” — и в самом деле, в дружбе и партнерстве люди, недавно ставшие взрослыми, становятся друг другу сыновьями, но сыновьями по свободному выбору, который проверяет долгую надежду на родство внекровных (кровосмесительных) связей. Отныне сила эго зависит от привязанности к другим, кто также готов и способен принимать участие в деле заботы о потомстве, пропитании и воспитании.

Сексуальность взрослых характеризуется участием половых органов, способностью к полному и взаимному выполнению полового акта. Огромная сила подтверждения охватывает это слияние тел и темпераментов после опасно долгого детства, которое, как подробно описано было в ходе изучения неврозов, может сильно нарушить способность к психосексуальной взаимности. Фрейд отмечал, что сама по себе половая зрелость гарантирует это сочетание (приобретение и поддержание этого сочетания ни в коем случае не дается легко) интеллектуальной ясности, сексуальной взаимности и заботливой любви, которая закрепляет человека в действительности его обязанностей.

До сих пор мы еще ничего не сказали о различиях между полами, и на этот раз данное пренебрежение оправдано. Именно в раннем зрелом возрасте биологические различия между полами — а я верю, что они имеют решающее значение с самого начала, — проходят свой психосоциальный кризис и имеют результатом поляризацию двух полов в совместном стиле жизни. Ранее установленные добродетели играют для такой поляризации и стиля подготовительную роль точно так же, как все физические силы и познавательные способности, развивающиеся до и во время периода юношества.

Умение как таковое представляет собой межполовую добродетель так же, как и верность. Можно доказать положение, согласно которому эволюционная первопричина объясняет, почему различия пола не будут полностью разделять полы, пока умение и верность не позволят стать их разделению полярным, то есть делением взаимного усиления опыта и распределения труда в стилизованной схеме любви и заботы. Такая первопричина человеческого развития будет также предполагать, что полы в меньшей степени различны по отношению к возможностям и добродетелям, которые способствуют общению и сотрудничеству, но различия наибольшие там, где расхождение существенно, то есть в сочетаниях истории любви и разделенных функций воспроизводства. Можно сказать, что полы

наиболее схожи в поступках эго, которые — будучи самыми близкими к сознанию, языку и этике, — должны служить и для того, чтобы интегрировать факт сексуальной взаимности и двухполюсности.

Любовь, таким образом, — это взаимность преданности, всегда подавляющая антагонизмы, свойственные разделенности функций. Она пропитывает близость людей и поэтому является основой этических отношений.

* * *

Забота — это качество, существенное для психосоциальной эволюции, так как мы представляем собой обучающий вид. Животные также инстинктивно подталкивают свой молодняк к проявлению того, что готово к выходу наружу, и конечно, некоторых животных человек может научить некоторым трюкам и командам. Однако только человек может и должен проявлять заботу во времени периодов детства многих поколений, объединенных в хозяйства и сообщества. По мере того как человек передает зачатки воли, надежды, целеустремленности и умения, он сообщает значение телесному опыту ребенка, передает логику, выходящую далеко за пределы используемых при обучении слов, и постепенно рисует определенный образ мира и стиль товарищества.

Все это необходимо, чтобы сравнить поведение человека с основной этологической ситуацией, характерной для родителя и детеныша у животных. Только все это, вместе взятое, позволяет провести сравнение отношений, возникающих у нас, с отношениями гусыни и гусенка в примере этолога. Как только мы улавливаем взаимосвязь этапов жизни человека, мы понимаем, что взрослый человек устроен таким образом, что он нуждается в том, чтобы быть нужным, чтобы не страдать от ментальной деформации самопрития, при котором он сам становится своим ребенком и любимцем. Поэтому я постулировал существование инстинктуальной и психосоциальной стадии воспроизводства за пределами стадии генитальной. Отцовство и материнство — это для большинства первый и для многих первичный случай порождения. И все же увековечение человечества бросает вызов генеративной изобретательности разного рода деятелей и мыслителей. Человек нуждается в обучении, и не только для реализации своей личности, но потому, что жизнь фактов поддерживается, когда о них рассказывают, логики — когда она демонстрируется, правды — когда о ней заявляют открыто. Таким образом, страсть к обучению не ограничивается рамками учительской профессии. Каждому взрослому человеку знакомо ощущение удовлетворения от объяснения того, что ему дорого, и понимания со стороны пытливого ума.

Забота — это постоянно расширяющееся участие в том, что создано любовью, необходимостью или случаем, она преодолена

вает амбивалентность, следуя необратимым обязательствам.

Создание человеком заботливых богов — это не только выражение его настоящей инфантильной потребности в том, чтобы о нем заботились, но также проекция на сверхчеловеческую силу идеала эго. Эта сила должна быть достаточно мощной, чтобы управлять, или, по крайней мере, прощать склонность у человека к свободному распространению результатов труда с порождением событий и условий, которые, как всегда, оказываются выше него.

Однако очевидно, что человек должен теперь учиться принимать ответственность, предоставленную ему эволюцией и историей, и учиться управлять и планомерно ограничивать свою способность к неограниченному распространению, изобретению и экспансии. Здесь я подчеркнуто упоминаю женщин, говоря о мужчинах, ибо готовность женщины к заботе прочнее закреплена в ее теле, которое представляет собой как бы морфологический образец заботы, это одновременно и защищающее жилище, и источник пищи.

Современный мужчина, вынужденный ограничить свою плодovitость, склонен рассматривать вопрос участия в производстве потомства как решаемый технической возможностью сделать сознательный выбор в деле оплодотворения. К такому выбору мужчины должны быть подготовлены. И все же такая “безопасная” история любви, если ее сопровождает простое уклонение от зачатия потомства и отрицание воспроизводства, может у некоторых быть источником такого же сильного напряжения, как и само отрицание половых сношений. Вполне может возникнуть специфический комплекс вины от игры с “огнем созидания”. Поэтому важно, чтобы управление продолжением рода руководилось не только признанием психосексуальных потребностей человека, но и универсальным чувством генеративной ответственности по отношению ко всем людям, которые появляются на свет. Это будет включать в себя (помимо средств предохранения) совместную гарантию каждому ребенку возможности такого развития, какое мы здесь описали.

* * *

Приближаясь к последней стадии, мы осознаем тот факт, что наша цивилизация на самом деле не содержит понятия всей жизни, как цивилизации Востока: “На службе — конфуцианец, в отставке — даосист”. Так как наш образ мира — это улица с односторонним движением к безостановочному прогрессу, который прерывают только большие и малые катастрофы, наши жизни должны представлять собой улицы с односторонним движением к успеху — и внезапному забвению.

И все же, если мы говорим о цикле жизни, мы в действительности подразумеваем два цикла в одном: цикл одного поколения, заканчивающийся в следующем, и цикл индивиду-

альной жизни, подходящий к концу. Если цикл во многих отношениях возвращается к своему собственному началу так, что самые старые становятся снова, как дети, вопрос состоит в том, есть ли это возврат к детоподобию, осененному мудростью или ограниченному детскостью. Это важно не только в пределах цикла индивидуальной жизни, но также в пределах цикла поколений, ибо жизненный уклад может только ослабеть, если свидетельство повседневной жизни подтверждает затянувшуюся последнюю фазу человека как утвержденный период детскости. Любой промежуток цикла, прожитый без полного смысла в начале, в середине или конце, ставит под угрозу ощущение жизни и смысл смерти у всех, чьи стадии жизни переплетаются.

Индивидуальность здесь находит свою последнюю проверку, а именно существование человека у входа в ту долину, которую он должен пересечь в одиночку. Я не готов обсуждать психологию “последней заботы”. Но в заключение своего очерка я не могу избавиться от ощущения, что описанный порядок предполагает экзистенциальную завершенность великого Ничто и актуальность цикла поколений. Ведь если в цикле жизни есть какая-либо ответственность, это должно быть то, чем одно поколение обязано следующему, та сила, которая позволяет ему по-своему встретить последние заботы — не поддаваясь истощающей нищете или невротическим расстройствам, вызванным эмоциональной эксплуатацией.

Каждое поколение должно найти мудрость веков в форме своей собственной мудрости. Сила у старых принимает форму мудрости во всех ее значениях — от зрелых “хитростей” до богатства знания и освобождения от временной относительности.

Мудрость, таким образом, — это особое участие в самой жизни перед лицом самой смерти.

Только такая целостность может уравнивать отчаяние знания того, что ограниченная жизнь подходит к осознаваемому завершению, только такая целостность может переступить мелкое отвращение от законченного и пройденного чувства, от отчаяния, от наступления периода относительной беспомощности, которые отмечают конец, как они отмечали начало.

Конечно, есть лидеры и мыслители, которые провели долгие продуктивные жизни на должностях, на которых мудрость важна и востребована. Есть те, кто чувствует себя проверенным в многочисленном и сильном потомстве. Но они также в конце концов присоединяются к престарелым, ограниченным своим сужающимся пространством-временем, в котором лишь несколько вещей в своей самодостаточной форме издают последний шепот подтверждения.

© 2016 *Перевод с английского
Е. ОВСЯННИКОВОЙ*